

A young woman with long brown hair is the central figure, wearing a vibrant red knit beanie with a pom-pom, a colorful patterned scarf, and a dark grey textured knit sweater. She is sitting in a cozy, rustic room. To her left is a Christmas tree decorated with gold and red ornaments. Behind her is a window with a view of a snowy landscape. In the foreground, there is a large basket filled with fresh oranges and other winter produce. The overall atmosphere is warm and festive.

Кукуша

Восстановление (Кукуша #6)

Кукуша

Восстановление (Кукуша #6)

«Автор»

2026

Кукуша

Восстановление (Кукуша #6) / Кукуша — «Автор», 2026

Два месяца назад Аглая Ветрова, которую все называют Кукушей, сказала: «Я сломалась». И исчезла. Из дворовых кругов, из соседских чатов, из привычной жизни, где были мандарины, гирлянды и вера в то, что мир можно сделать счастливым. Она не раздаёт мандарины. Не философствует. Не спасает никого, даже себя. Она просто кормит дочку, варит суп и молча смотрит в стену. А соседи ждут. Павел оставляет записки. Баба Зина печёт пирожки. Тополь во дворе шумит листвой. Это история не о подвиге. О том, как разрешить себе быть сломанной. О том, что восстановление — это не возвращение к прежней, яркой, безупречной «мандариновой фее». Это умение замечать маленькие радости: утренний мандарин, липкие от сока дочкины руки, тёплое плечо мужа, смешные разговоры о крахах и тараканах за соседским столом. Шестая повесть цикла — самая тихая и самая глубокая. Без пафоса, без героизма. Только жизнь, которая продолжается. Даже когда кажется, что сил больше нет. И мандарины, которые по-прежнему сладкие.

© Кукуша, 2026

© Автор, 2026

Кукуша

Восстановление (Кукуша #6)

Пролог. Тишина после бури

Прошло два месяца.

Два месяца с того самого серого дня, когда Кукуша в последний раз стояла в круге и сказала: «Я сломалась». Два месяца она не выходила во двор. Два месяца не раздавала мандарины. Два месяца не включала гирлянду. И два месяца ни с кем не говорила о счастье.

Тишина заполнила их квартиру. Не та тишина, когда всем хорошо, и каждый занят своим делом, а тягучая, ватная тишина человека, который перестал ждать чуда. Кукуша просто жила: кормила Софию, гуляла с ней в парке (одни и те же дорожки, одни и те же скамейки), варила суп — строго под присмотром Павла, потому что однажды она чуть не сожгла кастрюлю, глядя в одну точку на стене. Иногда она читала книги, но не философские — они рассыпались в её руках бессмыслицей, — а детские сказки Софии. «Колобок», «Репка», «Теремок». Простые сюжеты, где добро всегда побеждает, а зло смешное и нестрашное.

Павел не давил. Он научился читать её состояние по движению плеч — чуть опущены, значит, сегодня не подходит. Он ждал. Иногда молча клал на стол мандарины. Иногда оставлял записки: «Ты справишься». «Я рядом». «София сказала "мама"». Эту фразу Кукуша перечитывала десять раз, сжимала листок и прятала под подушку. Сердце сжималось, но слёз не было. Она вообще разучилась плакать.

Соседи звонили редко. Они чувствовали, что навязываться нельзя. Баба Зина прислала однажды пирожки с запиской: «Выздоровливай, Кукушка. Без тебя скучно. Двор как без гирлянды». Дядя Гриша оставил у двери банку варенья — «собственного производства, от давления» — малиновое, густое, почти чёрное. Валерий Степанович написал в чате: «Аглая, когда круг? Стулья заждались. Честно говоря, самому не хватает». Кукуша прочитала, но не ответила. Она лежала на диване, смотрела в потолок и думала: «Зачем я им всем? Сломанный инструмент, который не может играть».

Лена приходила дважды. Первый раз — с Артёмом, который уже уверенно ползал и пытался схватить Рыжую за хвост. Лена не говорила высоких слов, не просила советов. Она просто села на кухне, налила себе чаю, помолчала. Рыжая, кошка Кукуши, с подозрением наблюдала за Артёмом, как за новым видом таракана.

— Ты не обязана быть счастливой, — сказала Лена тогда. Голос был ровный, как будто она читала кулинарный рецепт. — Ты просто обязана быть. Дышать. Пить воду. Смотреть на стену, если хочется.

— Спасибо, — ответила Кукуша.

Это было первое слово, которое она сказала за день. Горло пересохло, звук вышел хриплым. Но это был звук. Лена улыбнулась и ушла, оставив на столе шоколадку.

Второй раз Лена пришла через две недели. Кукуша уже мыла посуду. Сама. Без напоминания. Лена увидела это и ничего не сказала. Только кивнула. Иногда тишина с человеком, который всё понимает, лучше любых терапевтических сеансов.

Глава 1. Первый шаг — мандарин на завтрак

Однажды утром Кукуша проснулась от того, что почувствовала запах. Не абстрактный запах жизни, а конкретный, резкий, праздничный — запах мандарина. Павел чистил его на кухне, и дверь в спальню была приоткрыта.

Она лежала и слушала, как лопаются масляные пузырьки в цедре. И вдруг поняла, что хочет этот мандарин. Не для символа. Не для философии. Не чтобы раздать соседям и доказать себе, что она ещё что-то значит. Просто захотелось съесть что-то сладкое, кислое, оранжевое. Настоящее.

Она встала. Ноги были ватными — долгое лежание на диване дало о себе знать. Павел обернулся, когда она вошла. В его глазах мелькнуло удивление, но он сдержался, не стал бросаться с объятиями.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила она и взяла мандарин. Сама. Почистила. Кожура отлетела длинной спиралью — Павел всегда говорил, что у неё талант. Вдохнула запал. Съела.

Вкус был настоящим. Не выдуманным, не метафорическим. Мандарин взорвался во рту кисло-сладкими брызгами. Кукуша закрыла глаза.

— Павел, — сказала она. — Мандарины хорошие.

Он вышел из-за стола, подошёл, посмотрел на неё в упор. В его взгляде было то, чего она не видела два месяца: надежда.

— Ты улыбаешься, — сказал он.

— Нет. Просто ем мандарин.

— Ты улыбаешься. Это первый шаг.

Она не стала спорить. Потому что он был прав. Где-то в уголках губ, в складках, которые забыли, как двигаться, действительно пряталась улыбка. Кривая, слабая, похожая на трещинку во льду. Но всё-таки улыбка.

В тот же день, после завтрака, Кукуша взяла телефон. Он был разряжен в ноль — она его даже не включала последние недели. Поставила на зарядку, подождала. На экране всплыли пропущенные звонки, сообщения, уведомления из чата. Она пролиставала их без особого интереса, а потом открыла районный чат и написала:

«В воскресенье будет круг. Тема: „Восстановление“. Мандарины будут. Гирлянда — по желанию».

Ответы посыпались мгновенно. Будто люди сидели у экранов и ждали этого сообщения.

Баба Зина: «Наконец-то! А то я уж думала, помирать без мандаринов буду».

Дядя Гриша: «Приду. Давно пора. Давление всё равно скачет, а без Кукушкиных посиделок совсем хандра».

Валерий Степанович: «Стулья принесу. Свои, складные. Их уже моль поедает от безделья».

Аня и Катя: «Гирлянда будет обязательно! Мы новую купили, на батарееках. Там лампочки в форме мандаринов!»

Лена: «Приду с Артёмом. Он уже спрашивает, где тётя Кукуша. Ну, как может спрашивать. Мычит и тычет пальцем в вашу дверь».

Кукуша закрыла телефон, положила на стол. Сердце билось ровно, без прежнего трепета, без той лихорадочной энергии, которая раньше толкала её на подвиги. Но хотя бы не было пустоты. Вместо пустоты — лёгкое, едва заметное тепло. Как от одной спички в холодной комнате.

Глава 2. Встреча с тополем

Перед кругом Кукуша вышла во двор одна. Павел хотел пойти с ней, но она покачала головой:

— Мне нужно побыть с тополем. Поговорить. По-старому.

Он кивнул. Он всё понимал.

Двор был серым, как два месяца назад. Но кое-что изменилось. Осень вступила в свои права, и тополь, который Кукуша когда-то назвала своим главным собеседником, стоял зелёный, но уже кое-где желтоватый, чуть облеслый, как старый плюшевый мишка. Листья шуршали, но не весело, а устало.

— Здравствуй, — сказала Кукуша. — Я вернулась.

Тополь не ответил. Он вообще никогда не отвечал, но раньше Кукуше казалось, что шум его листьев — это что-то вроде разговора. Сейчас это был просто шум. И это было честно.

— Я не знаю, зачем я вернулась, — продолжала она, садясь на скамейку. — Наверное, потому что больше некуда. И незачем прятаться. Дома я выучила все трещины на потолке. А здесь... здесь есть ты и эти люди, которые почему-то меня ждут.

Она погладила кору. Шершавая, тёплая от ещё не остывшего сентябрьского солнца. Вспомнила, как когда-то устраивала здесь круги, как верила, что они спасут мир. Как раздавала мандарины и чувствовала себя доброй феей. Теперь она не верила ни во что. Но она хотела просто быть. Быть среди людей. Держать их за руки. Слушать их голоса, даже если они говорят о кранах, тараканах и пересдачах.

— Ты не обязана всех спасать, — сказала она себе вслух. — Ты просто можешь быть рядом.

Это было новое правило. Не философское. Житейское. Глупое и мудрое одновременно.

Она достала блокнот — тот самый, в котором когда-то писала свои манифесты, — открыла пустую страницу и написала:

«Моя новая философия — никакой философии. Просто быть. Быть с Павлом. Быть с Софией. Быть с соседями. Не спасать мир. Не раздавать счастье. Не доказывать, что я чего-то стою. Просто — быть»

Она зачеркнула последнюю фразу, подумала и дописала:

«И иногда раздавать мандарины. Потому что они вкусные. А люди любят, когда вкусно. Это, кажется, и есть самая главная философия. Древнее, чем Платон»

Потом зачеркнула «древнее, чем Платон», потому что это было лишним. Кукуша захлопнула блокнот и посмотрела на тополь.

— Ладно, — сказала она. — Пойду готовиться к кругу. Если я, конечно, не разучусь держать мандарины в руках.

Тополь шевельнул ветвями. Или ветер подул. Или всё-таки ответил.

Глава 3. Круг «Восстановление»

В воскресенье Кукуша вышла во двор с большой сумкой мандаринов. Она купила три килограмма — на всякий случай. Пусть лучше останется, чем кому-то не хватит. Гирлянду она не взяла — решила, что пусть будет свет от старых дворовых фонарей. Свет тусклый, желтоватый, как старые фотографии.

Людей собралось много. Почти все, кто был раньше. Даже те, кто приходил редко. Кукуша удивилась: откуда они узнали? Оказалось, что сарафанное радио в их дворе работает лучше интернета. Баба Зина уже успела обзвонить всех, до кого дозвонилась.

Тётя Люба пришла с самоваром. Настоящим, пузатым, начищенным до блеска.

— Ветрова, — сказала она, оглядывая Кукушу с ног до головы. — Вы выглядите лучше. Не зелёная. И глаза не как у варёной рыбы.

— Спасибо, тётя Люба. Я стараюсь.

— Я волновалась. Думала, вы окончательно тронулись. Философы они все такие — сначала умные речи, потом в окно или в монастырь.

— Почти. Но теперь вроде легче.

— Ну и слава богу. Держите самовар. Чай с мандаринами — это святое.

Валерий Степанович уже расставил стулья в круг. Свои, складные, с продавленными сиденьями. На одном из них, как на троне, сидел дядя Гриша и крутил в руках газету, хотя никто не знал, зачем он её принёс.

— Пора, что ли? — спросил он нетерпеливо.

— Пора, — кивнула Кукуша.

Они встали в круг. Кукуша взялась за руки. Справа от неё — Павел с Софией на руках. Девочка смотрела на гирлянду — Аня и Катя всё-таки включили свою новую, с лампочками-мандаринами, — и тянула ручки к оранжевым огонькам. Слева — Лена с Артёмом.

Малыш уже стоял, держась за мамину ногу, и с подозрением разглядывал Рыжую, которая устроилась в центре круга, как главная героиня.

— Дорогие соседи, — начала Кукуша. Голос дрогнул. Она откашлялась. — Сегодня я не буду говорить о счастье. Не буду давать советов. Не буду ничего проповедовать. Я просто хочу сказать: спасибо, что вы есть. Даже когда я была сломанной, вы были рядом. Вы не лезли с расспросами, не пытались меня «починить». Вы просто ждали. Или приносили пирожки. Или варенье. Или просто сидели молча. Спасибо.

Баба Зина заплакала. Она вообще плакала легко, особенно когда речь заходила о чём-то искреннем. Она вытерла слёзы уголком платка и сказала:

— Дурочка ты, Кукушка. Мы и не уходили. Куда мы от тебя денемся? Ты — наша главная достопримечательность. Без тебя двор как без флага.

Дядя Гриша кашлянул — то ли от волнения, то ли от того, что забыл выпить таблетку.

— Кукуша, а мандарины будут? Или мы так и будем стоять и умиляться?

— Будут. Сейчас.

Она раздала мандарины всем. Каждый взял, почистил, съел. Вкус был обычным — не символическим, не философским, не целительным. Просто вкусным. Сладким. Немного с горчинкой.

— А хорошие, — сказал Валерий, жуя.

— Да, — кивнула Кукуша. — Хорошие. В этом году урожай.

Круг закончился быстро. Никто не хотел задерживаться — начал накрапывать дождь, мелкий, осенний, тот самый, от которого хочется чай и плед. Но все расходились с улыбками. Даже тётя Люба, которая редко улыбалась.

Павел обнял Кукушу одной рукой — в другой была София. Девочка уже клевала носом.

— Ты молодец, — сказал он в её макушку.

— Я просто вышла во двор, — ответила Кукуша.

— Это и есть подвиг. Для тебя. Ты вышла, когда весь мир внутри говорил тебе остаться в кровати и укрыться с головой.

— Ты слишком драматизируешь.

— Нет. Я просто тебя знаю.

Она не ответила. Но внутри, там, где два месяца было холодно и пусто, что-то сдвинулось. Как будто первый зелёный росток пробил асфальт.

Глава 4. Разговор с Леной

Через несколько дней Лена пришла снова. Без повода. Просто посидеть. Артём уже бегал — точнее, шаркал ногами, держась за стены, — и пытался поймать Рыжую. Кошка уворачивалась с царственным спокойствием, неторопливо перепрыгивая с кресла на подоконник, с подоконника на шкаф. Артём смотрел на неё снизу вверх с выражением священного трепета.

— Аглая, — сказала Лена. Она сидела на кухне, пила чай с мандариновым вареньем (тем самым, дяди Гришиным). — Я хочу тебя спросить. Ты теперь счастлива?

Кукуша задумалась. Хороший вопрос. Неправильный, но хороший. Она взяла кружку, подула на пар, сделала глоток.

— Не знаю, — ответила она честно. — Наверное, нет. Я не прыгаю от радости, не летаю, не раздаю счастье направо и налево. Но я спокойна. Это другое.

— Спокойствие — это хорошо?

— Лучше, чем отчаяние. Отчаяние — это как чёрная дыра. Всасывает всё, даже свет. А спокойствие — это просто... нейтральная территория. Нет войны. Можно выдохнуть.

Лена кивнула. Она понимала. Лена вообще стала понимать многие вещи, с тех пор как родила Артёма и муж уехал в длительную командировку.

— Мой муж звонил вчера, — сказала она. — Сказал, что вернётся через месяц. Я не знаю, радоваться или нет. С одной стороны, соскучилась. С другой — мы привыкли жить без него. Артём его почти не помнит. И я не помню, каково это — когда кто-то есть рядом каждый день.

— А ты не обязана знать, — ответила Кукуша. — Просто живи этот месяц. А когда вернётся — увидишь. У тебя будет информация. А пока — гадать бесполезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.